

История Малороссии. Николая Маркевича. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://belinskiyvissarion.ru/> Приятного чтения!

История Малороссии. Николая Маркевича. В. Г. Белинский

Одна из самых характеристических черт нашего времени – стремление к единству и сродству доселе разрозненных элементов умственной жизни. Жизнь очевидно стремится теперь стать единою и всецелою. И если доселе проявлялась она в тысячах односторонностей, разъединенною и раздробленною на бесконечное множество сторон, из которых каждая претендовала на право исключительной монополии в области духа, превозносясь над всеми другими и горделиво не признавая их важности, – это противоположное органическому единству стремление было необходимо для самого же этого органического единства, заря которого уже занимается на горизонте человечества. Надобно было, чтоб каждый элемент умственной жизни выработался и развился вполне, а для этого необходимо, чтобы каждый элемент жизни развился отдельно. Таким образом, разъединение есть неизбежное условие единства – первый момент в процессе единства. Только отдельно развившиеся элементы могли развиться вполне, и только вполне развившиеся элементы могли сознать свое родство и увидеть в себе не опасных врагов, а друзей, равно нуждающихся друг в друге и равно полезных друг другу. Доказательство этой истины представляет история народов, история обществ, летописи науки, искусства, даже ремесл. Каждому народу предназначено было развить одну какую-нибудь сторону жизни, и потому один народ оказал огромные успехи в войне, другой – в науке, третий – в искусстве, четвертый – в торговле и т. д. И каждый из этих народов, до периода своей возмужалости, с ненавистью и презрением смотрит на все другие народы, считая одного себя и умным, и добрым, и дельным. Отсюда все национальные ненависти, отсюда соперничество, похожее на злобу, соревнование, похожее на зависть. Так, например, целые три века история Европы двигалась и управлялась мыслию о политическом равновесии, которая состояла в том, чтобы не допускать ни одно государство быть сильнее других, хотя бы его сила была чисто внутренняя и проистекала от успехов торговли, промышленности, цивилизации, просвещения, – и, как скоро одно государство усиливалось благосостоянием и политическим здоровьем, все другие спешили ослаблять его; средством к этому бывали большею частью усиленные кровопускания – и война оканчивалась обыкновенно общим истощением и изнеможением и предмета зависти и самих завистников... Мысль теперь смешная и детская, но тогда стоившая много человеческой крови, много человеческих слез!.. Это был момент кризиса, момент перехода от детства к возмужалости. В мысли, что государства должны ревниво смотреть одно за другим и имеют право друг друга ограничивать, – уже в самой этой мысли видно начало единства, хотя и дурно понятого. Теперь это единство понято иначе и состоит в подчинении великой идеи национальной индивидуальности еще более великой идее человечества. Народы начинают сознавать, что они – члены великого семейства человечества, и начинают братски делиться друг с другом духовными сокровищами своей национальности. Каждый успех одного народа быстро усваивается другими народами, и каждый народ заимствует у другого особенно то, что чуждо его собственной национальности, отдавая в обмен другим то, что составляет исключительную собственность его исторической жизни и что чуждо исторической жизни других. Теперь только слабые, ограниченные умы могут думать, что успехи человечности вредны успехам национальности и что нужны китайские стены для охранения национальности. Умы светлые и крепкие понимают, что национальный дух совсем не одно и то же, что национальные обычаи и предания старины, которыми так дорожит невежественная посредственность; они знают, что национальный дух так же не может исчезнуть или переродиться через сношения с иностранцами и вторжение новых идей и новых обычаев, как не могут исчезнуть или переродиться физиономия и натура человека через науку и обращение с людьми. И недалеко уже время, когда исчезнут мелкие, эгоистические расчеты так называемой политики, и народы обнимутся братски, при торжественном блеске солнца разума, и раздадутся гимны примирения ликующей земли с умиловленным небом! Если настоящее историческое положение так резко противоречит этой картине и представляет ее несбыточною мечтою разгоряченной фантазии, то для умов мыслящих и способных проникать в сущность вещей это настоящее историческое положение человечества, как ни безотраднo оно, представляет все элементы и все данные, на основании которых самые смелые мечты в настоящем становятся в будущем самую положительную действительностью.

Если под «обществами» должно разуметь избранные, то есть наиболее просвещенные, образованные и цивилизованные классы и сословия в государствах, то в лице обществ гуманное сближение давно уже совершилось. Образованный европеец теперь и

История Малороссии. Николая Маркевича. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
вне своего отечества живет, как у себя дома, не оставляя своих привычек, не переставая быть сыном земли своей, – и везде пользуется приветом и уважением. Особы разных наций и вероисповеданий вступают в брачные союзы, не нарушая тем ни обычаев, ни законов, ни нравственных понятий своих отечеств. Между тем англичанин и во Франции останется англичанином, француз и в Германии останется французом, и наоборот, и никто из них, вполне симпатизируя чужой земле и, так сказать, чувствуя себя ее гражданином, не перестает быть сыном своей страны, не теряет духовной физиономии своей национальности. Здесь кстати заметить, что ненавистники европеизма упрекают у нас своих соотечественников за их страсть к путешествиям, за легкость и ревность, с какими они перенимают западные обычаи (то есть обычаи людей просвещенных и образованных). Эти мнимые патриоты до того простирают невежественный фанатизм свой, что в образованной части русского общества видят чуть не ренегатов, чуть не выроdkов, в которых нет ничего русского, и выставляют им, как достойный подражания образец неспорченной русской национальности, неопрятную и грязную чернь^{2}. «Посмотрите, – восклицают они, – француз, англичанин, немец, где бы и сколько бы ни жил вне своего отечества, везде – француз, англичанин и немец; а наши во Франции – французы, в Англии – англичане, в Германии – немцы; у себя же дома – и то, и другое, и третье, а потому ни то, ни се». Конечно, в подобном обвинении есть часть истины, но от полной истины оно далеко, как тьма от света, и в целом – это обвинение совершенно нелепо. Навсегда оторванная реформой Петра Великого от своего прошедшего, не могла же Россия, с небольшим во сто лет, вдруг вырасти и возмужать, начать жить самостоятельною и оригинальною жизнью и приобрести всемирно-историческое значение. Вместо того чтоб желать невозможного, лучше радоваться тем гигантским успехам в цивилизации, которые и без того сделала она в такое короткое время. Смешно подумать, что это обвинение в подражательности иноземному, под разными формами, повторяется уже лет пятьдесят с лишком. Сперва оно восстало против галломанства в обычаях и в литературе и предавало анафеме и французский язык и тех из русских, которые говорили и читали больше по-французски, чем на своем родном языке. Против Карамзина составила даже целая литературная партия, упрекавшая знаменитого преобразователя русского языка в растлении русского языка галлицизмами, хотя исполненный галлицизмов язык Карамзина в тысячу раз более естественный и живой русский язык, чем длинные латинско-немецкие периоды книжного языка Ломоносова^{3}. Но время обнаружило всю ограниченность и все ничтожество этих мнимо патриотических выходов против того, что составляло честь и славу Руси. Если образованное русское общество не говорило и не читало по-русски, этому была причина: тогда был только книжный да простонародный язык и не было разговорного русского языка; следовательно, не на чем было и говорить образованному обществу, хотя бы оно и само желало говорить по-русски. Если же и теперь еще на Руси не выработался вполне общественный и разговорный язык, то он уже существует, как материал, вполнину разработанный, а потому им давно уже говорит среднее образованное общество (недавно сформировавшееся) и начинает говорить высшее общество (давно существующее). А что знание французского языка нисколько не находилось в противоречии с истинным патриотизмом и не было в ущерб ему, – лучшим доказательством этой истины служит великая война 1812–1814 годов: известно фактически, что не только в гвардии, но и в армии русской было много образованных офицеров, которые говорили по-французски, – однако ж это не помешало им лить кровь и умирать доблестно за свое отечество, языку которого они предпочитали язык своих достойных по храбрости врагов. Здесь кстати еще заметить, что и теперь, несмотря на страсть русских к путешествиям и поездкам за границу, – русский, навсегда оставшийся там, есть явление почти небывалое: стало быть, чужие обычаи не разрывают в русских кровной связи с их родиною, и те немногие из них, которых судьба забросила на чужую почву и под чуждое небо, и те, среди чудес природы и цивилизации, – мы уверены в этом, – умеют хранить, как сокровище души, святую тоску по степям, городам и селам своей родины...

Что же касается до равнодушия прежнего общества к родной литературе, – оно было неизбежно: общество не читало по-русски, потому что нечего было читать: два-три писателя, хотя бы и с замечательною силою таланта, но писавшие на не установившемся еще языке, далеко не могли наполнить всех досугов и удовлетворить всем умственным потребностям людей, перед которыми отверсты были неистощимые сокровищницы богатых и созревших литератур Европы. Теперь все классы образованного и даже полуобразованного общества больше прежнего читают по-русски, потому что, сравнительно с прежним, русская литература представляет больше пищи для чтения, хотя и также далеко не уменьшает потребности в иностранных литературах. Высшее общество, как самое образованное на Руси, больше других навлекло на себя упреки и жалобы на равнодушие к русской литературе со

История Малороссии. Николая Маркевича. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru стороны мнимых защитников ее... Но справедливы ли эти упреки и жалобы? Во-первых, Державин, если не по рождению, то по положению своему, сам принадлежал к высшему кругу общества; Фонвизин был допущен в него за свой ум и талант; Крылов, Жуковский и Батюшков были связаны дружескими отношениями со многими людьми этого общества; Грибоедов, Пушкин и Лермонтов более принадлежали к нему, чем ко всякому другому кругу общества. Во-вторых: высшее общество покровительствовало Ломоносову в царствование Елизаветы; оно почти одно читало Державина и Фонвизина в царствование Екатерины; оно знало и читало Крылова, Озерова, Жуковского, Батюшкова, Пушкина и Грибоедова в царствование Александра; теперь оно знает и читает Лермонтова и Гоголя... И до сих пор в литературе нашей есть имена, принадлежащие к высшему кругу, следственно, и знаемые там не по одним светским отношениям. Что высшее общество не знает и не слыхало о множестве других «великих» русских писателей, так это потому, что их очень много и что у нас на Руси так легко, за одно стихотвореньице, за одну повесть, за одну журнальную статью, сделаться великим писателем: кто ж их всех перечитает и перепомнит?.. Иногда в спокойном равнодушии бывает больше глубокого смысла, чем в опрометчивой, но детской способности увлекаться, видеть гений во всем, что едва ли обнаруживает и обыкновенное дарование, придавать важность тому, что ничтожно в сущности, и гордиться богатствами, которые скоро портятся и сгнивают в глухих кладовых. В русской литературе, без сомнения, есть кое-что, достойное внимания даже для иностранцев и, следственно, достойное всей любви, всего уважения нашего; но из этого еще не следует, чтоб мы имели право равнять нежные, светло-зеленые стебли нашей юной литературы с величественными и колоссальными деревьями европейских литератур. Уже самая мысль, что с нас довольно и нашего, – мысль, которую с такою родительскою нежностью лелеют люди, сами себе присвоившие скромное титул «патриотов», – уже одна эта мысль показывает и детство нашего образования и детство нашей литературы. Французская, немецкая и английская литературы не беднее друг друга, – и между тем, каждое новое, хоть сколько-нибудь, почему-нибудь замечательное произведение в одной из них тотчас переводится на языки других. Через этот братский обмен сокровищ национального духа только увеличивается богатство каждой литературы.

В науке и в искусстве также резко проявляется теперь это стремление к единству путем взаимного соприкновения разнородных элементов. Было время, когда общее мнение, оставляя за поэтом пламенное сердце, а за философом холодный ум, отнимало у первого ум, а у второго сердце. Поэзия считалась откровением каких-то иступленных вдохновений, а поэтическое произведение – чем-то вроде изречений Пифии, в судорогах кривляющейся на священном треножнике. Поэту оставлено было только право восторженного безумия и безумного восторга, и у него отнято было право существа мыслящего – священнейшее из прав человека; в его безусловное заведывание была оставлена любовь, и он был исключен на право разума, как будто любовь и разум – элементы враждебно противоположные, а не две стороны одного и того же духа. Под философom разумели существо холодное, сухое и бесстрастное по натуре. В самом деле, вся внешность была в пользу такого мнения. Пока философия только начинала свое великое дело, естественно, что тогда она удалилась от жизни и заключалась в исключительной сфере самой себя, погрузившись в анализ разума, как силы действующей, и мысли, как предмета разума. Отсюда ее аскетизм, ее холодный и сухой характер, ее суровое одиночество. Кант, отец новейшей философии, был довершителем этого первого труда мышления, предмет которого само мышление, а действующая сила – разум. Содержание философии фихте уже более общее, и он является в ней пламенным трибуном прав субъективного духа, доведенных им до исключительной односторонности. Шеллинг, в великой идее тождества, открыл примирение фихтева я с объективным миром. Наконец, философия Гегеля обняла собою все вопросы всеобщей жизни, – и если ее ответы на них иногда обнаруживаются принадлежащими уже прошедшему, вполне пережитому периоду человечества, зато ее строгий и глубокий метод открыл большую дорогу сознанию человеческого разума и навсегда избавил его от извилистых окольных дорог, по которым оно дотоле так часто сбивалось с пути к своей цели. Гегель сделал из философии науку, и величайшая заслуга этого величайшего мыслителя нового мира состоит в его методе спекулятивного мышления, до того верном и крепком, что только на его же основании и можно опровергнуть те из результатов его философии, которые теперь недостаточны или неверны: Гегель тогда только ошибался в приложениях, когда изменял собственному методу. В лице Гегеля философия достигла высшего своего развития, но вместе с ним же она и кончилась как знание таинственное и чуждое жизни: возмужавшая и окрепшая, отныне философия возвращается в жизнь, от докучного шума которой некогда принуждена была удалиться, чтоб наедине и в тиши познать самое себя. Начало этого благодатного примирения философии с практикою совершилось в левой стороне нынешнего

История Малороссии. Николая Маркевича. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru гегелианизма. Примирение это обнаружилось и жизненностью вопросов, которые занимают теперь философию, и тем, что она оставляет понемногу свой тяжелый схоластический язык, доступный одним адептам ее, и тем, что она возбудила против себя ожесточенных врагов уже не в одних школах и в книгах. Теперь уже это не школьная, не книжная философия, знающая только самое себя и уважающая только собственные интересы, холодная и равнодушная к миру, которого сознание составляет ее содержание: нет, теперь она должна быть строгою, суровою и холодною, как разум, но вместе с тем и вдохновенною, как поэзия, страстною и симпатическою, как любовь, живую и возвышенною, как верование, могучею и доблестною, как подвиг...{4}

С своей стороны, и искусство теперь сделало такой же шаг. Теперь оно уже не ограничивается страдательною ролью – подобно зеркалу, безучастно и верно отражать в себе природу, но вносит в свои изображения живую личную мысль, которая дает им и цель и смысл. Поэт нашего времени есть в то же время и мыслитель. О художественном произведении нашего времени философ не может сказать того, что сказал, помнится, Декарт своим друзьям, требовавшим его мнения о трагедии Расина:

«Положим, что она хороша, но что же она доказывает?»{5} Преобладанию субъективного начала должно приписать в поэтических произведениях нашего времени это обилие отступлений, делаемых от лица поэта, который и судит, и вопрошает, и отвечает. Словом, поэзия и философия уже не только не чуждаются друг друга, но беспрестанно подают друг другу руку, чтоб взаимно поддерживать себя, и даже часто до того смешиваются друг с другом, что иное философское сочинение прежде всего назовете вы поэтическим, а поэтическое – философским.

Поэзия проникает теперь и в прозу жизни, которой прежде она так гнушалась, – и мыслящий человек не может не видеть поучительного факта в том, что теперь и мебель и игрушки для украшения комнат не только исполнены изящества, но и носят на себе отпечаток творчества...

В недавнее время возникла наука, которая есть вместе и искусство и в которой сходятся сухое фактическое знание, холодный рассудочный анализ, высшее философическое созерцание, рабская подчиненность действительности, живое поэтическое чувство и творческая фантазия. Эта наука – история. Условия, составляющие ее, так велики и многосложны, соединение их так редко в одном и том же лице, что доселе было больше опытов истории и вообще исторических сочинений разного рода, чем того, что называется «историею». Лучшие опыты по этой части принадлежат французам, которые как писатели, кроме других причин, еще и потому более других способны писать историю, что более других как народ делают историю своею национальною жизнью. Немцы, напротив, гораздо лучше понимают теорию истории, чем пишут историю, потому что они живут более умственною и созерцательною, чем историческою жизнью. Итак, вот и еще новое условие для того, чтоб быть хорошим историком, – условие, не зависящее от историка!

Историю разделяют на всеобщую и частную, разумея под первую историю всего рода человеческого и под вторую – историю одного какого-нибудь народа. Это разделение не так важно и существенно, как думают: ибо, хотя объем «всеобщей» истории и несравненно шире и глубже, чем объем так называемой «частной» истории, однако условия, требуемые от историка тою и другою, совершенно одинаковы: кто лишен созерцания человечества как идеальной личности и потому на всякий народ, взятый сам по себе, смотрит, как на что-то отдельно, без живой связи с человечеством существующее, тот не в состоянии написать хорошей истории и одного какого-нибудь народа. Следовательно, гораздо лучше разуметь под «частною» историею не историю одного какого-нибудь народа, а историю одного из множества элементов, из которых слагается жизнь человечества и жизнь всякого народа. Поэтому история религии, искусства, науки, права, торговли, промышленности, история политическая, военная и т. п. будет историею «частною», Такая история, по своей несложности, требует менее условий от историка и относится к настоящей (всеобщей) истории, как материал, хотя в то же время может иметь достоинство полной и стройно созданной истории. Такого рода истории чрезвычайно важны: только при условии их существования может существовать всеобщая история[1]. Историческая критика, состоящая в сличении и проверке материалов, разборе фактов и т. п., дает тому, кто занимается ею, право на титул «ученого», но не историка, хотя без таких «ученых» и невозможна история как наука и как искусство вместе.

Предмет нашей статьи есть история собственно (всеобщая – в том смысле, какой мы

Страница 4

История Малороссии. Николая Маркевича. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru даем этому слову), а потому и займемся только ею. Выше сказали мы, что история есть и наука и искусство вместе, ученое сочинение и художественное произведение в одно и то же время. Такое значение история получила весьма недавно, вследствие того стремления к единству и полноте прежде одиноко развивавшихся элементов жизни, которое составляет характеристику новейшего времени и о котором мы говорили в начале статьи. Этому новому направлению истории много способствовал гениальный человек, который написал одну только историю, да и ту плохую{6}, и который написал множество превосходных романов. Вальтер Скотт был создателем нового рода поэзии, который мог возникнуть только в XIX веке, – исторического романа. В романе Вальтера Скотта история и поэзия в первый раз встретились, как начала родственные, а не враждебные. И в этом нет ничего странного, неестественного: поэзия прежде всего есть жизнь, а потом уже искусство; в чем же, если не в истории, жизнь проявляется с такою полнотою, глубиностью и разнообразием?.. Марий на развалинах Карфагена – не только исторический, но и глубоко поэтический факт; Наполеон – лицо поэтическое не только под Тулоном, в Египте, под Аустерлицем, под Маренго, но и в Москве, и на острове Эльбе, и при Ватерлоо, и на острове св. Елены, и в Доме инвалидов в Париже... Только умы ограниченные и сердца сухие могут видеть в историческом движении политику и войны, дела скучно-серьезные и сухо-важные: глубокий ум и живое сердце видят в нем биение пульса мировой жизни... Скажут: этак из истории можно сделать сказку, наполненную поэтическими мыслями, но ложную в фактическом отношении. Нимало! в том-то и заключается трудность условий исторического таланта, что в нем должны быть соединены строгое изучение фактов и материалов исторических, критический анализ, холодное беспристрастие, с поэтическим одушевлением и творческою способностью сочетать события, делая из них живую картину, где соблюдены все условия перспективы и светотени. В движении исторических событий, кроме внешней причинности, есть еще и внутренняя необходимость, дающая им глубокий внутренний смысл: само движение событий есть не что иное, как движение из себя самой и в себе самой диалектически развивающейся идеи. И потому в общем ходе истории, в итоге исторических событий, нет случайностей и произвола, но все носит на себе отпечаток необходимости и разумности{7}. Такой взгляд на историю далек от всякого фатализма: он допускает и произвол и случайность, без которых жизнь была бы механически несвободна, но в произволе и случайности он видит зло временное и преходящее, видит силу, которая вечно борется с разумною необходимостью и вечно побеждается ею. Историк должен прежде всего возвыситься до созерцания общего в частном, другими словами, идеи в фактах. Здесь ему предлежит не менее трудная задача – с честью пройти между двумя крайностями, не увлекшись ни одною из них: между опасностью затеряться и запутаться в многосложности событий и, за их частностию, потерять из виду их диалектическую связь между собою, их отношение к целому и общему (идее), – и между опасностью произвольно натянуть события на какую-нибудь любимую идею, заставив их лжесвидетельствовать в пользу или односторонней, или и вовсе ложной доктрины. Избежать этих крайностей самый даровитый историк может только при помощи верного поэтического чутья и современно-философского образования. Отличать истинное от ложного, сомнительное от верного – дело исторической критики; но история, опирающаяся только на историческую критику и непогрешительная только с этой стороны, может быть суха, утомительна, мертва; факты, при всей верности их, могут быть изложены в ней без перспективы, не картинно, не последовательно, так что, читая следующую страницу, читатель забывает предшествующую. Такие истории имеют свою цену и свое достоинство, как обработанные ученою рукою материалы для художника-историка. Понять значение и проникнуть в жизненную сторону фактов можно только поэтическим чутьем. Вот почему, читая иную историю, чуждую всяких вымыслов и наполненную самыми верными фактами, думаешь, что читаешь плохую сказку, где все делается не по законам разумной необходимости, а «по щучьему веленью, по моему прошенью». И вот почему, читая роман Вальтера Скотта, где одно какое-нибудь историческое событие перемешано со множеством вымышленных, думаешь, что читаешь историю: так все естественно, живо и верно в романе! Летописи и другие исторические материалы суть не более, как камни, из которых только творческий гений художника может воздвигнуть стройное, изящное здание. Читая «Историю завоевания Англии норманнами» Огюстена Тьерри или его же «Рассказы о временах меровингских», думаешь, что читаешь роман Вальтера Скотта; а между тем в этих сочинениях знаменитого историка французского нет ни одной черты, которая не основывалась бы на фактах и не подтверждалась бы хрониками; но и те, которым коротко и ученым образом знакомы были эти хроники, – в творениях Тьерри впервые познакомились с тою и другою эпохою, удивляясь, что в этих эпохах могло оказаться столько жизни, поэзии и разумности. Отсюда видно, что история требует творчества, как и поэзия. Отчего поэтическое произведение, иногда так живо напоминающее нам наше собственное положение в прошедшем, действует на нас сильнее, нежели действовало

История Малороссии. Николая Маркевича. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru на нас это прошедшее, когда еще оно было настоящим? Другими словами: отчего поэзия действует на нас сильнее, чем та действительность, которая составляет ее содержание? – Оттого, что в поэтическом произведении устраняется все случайное и постороннее и представляется одно необходимое и знаменательное, совокупленные в стройной картине, носящей на себе отпечаток единства и целостности. То же условие требуется и от истории, а условие это требует творчества. И потому история в наше время получает то же значение, какое у древних имел эпос.

Современно-философское образование необходимо для историка нашего времени еще более, нежели для поэта: ибо история не только искусство, но еще и наука, и наука многосложная, многосторонняя, которая, обнимая собою историю народа, в то же время обнимает и историю права, его искусства, его науки, а без современно-философского образования можно ли иметь прямое и верное понятие о праве, искусстве, науке и пр.? Приступая к истории какого-нибудь народа, историк прежде всего должен отчетливо и определенно понимать значение этого народа, видеть его отношение к другим народам, степень, занимаемую им в человечестве, и важность его исторической роли. Тогда сами собою, правильно и верно, обозначатся и тон и объем его истории. Мы сказали «объем»: в нем большая важность, ибо нельзя произвольно писать историю большую или малую – объем ее всегда находится в пропорциональном отношении к объему духовной жизни народа. И против этого-то правила больше всего погрешают лишенные философского образования историки, особенно у нас, на Руси. Для наших историков написать историю России и историю Костромы – все равно, и только разве недостаток деятельности помешает им историю Костромы растянуть на двенадцать томов. Зато они не задумаются историю Петра Великого, написанную для русских, ограничить, например, четырьмя тощенькими томами листов в шестьдесят, тогда как шестьдесят печатных листов можно наполнить только анекдотами об этом историческом исполине{8}. И потому нашим историкам не худо было бы держаться арифметического и геометрического правила пропорции и задавать себе вопросы вроде следующих: если мифический период народа, от неизвестных времен его начала до Владимира, занял у меня два тома, то сколько же томов должен занять полуисторический период удельных междоусобий, столь обильный многосложными, запутанными и по большей части ничтожными событиями? – Уж, конечно, по малой мере – четыре тома. Итак, вот уж у нашего историка и набралось шесть препорядочных томов, которые размножаются и толстеют пока довольно последовательно. Но вот он продолжает спрашивать самого себя: если полуисторический период удельных междоусобий занял у меня четыре тома, то сколько же должен занять вполне исторический период татарщины, столь обильный событиями важными и огромными для Руси, каковы нашествие Батыея, побоище донское, московская централизация, упадок удельной системы и пр.? – Уж, конечно, не менее восьми томов. Итого – четырнадцать томов. Но это чудовищное число ужасает нашего историка, и он, забыв последовательность и симметрию, ограничивается только четырьмя томами, – и из его истории выходит чудище с огромною головою, непомерными плечами и маленьким, с грецкий орех величиною, брюшком. Разумеется, история от Иоанна III до Петра Великого должна бы занять у него, по соразмерности с четырьмя томами удельного периода, томов пятнадцать, а между тем вся русская история, от своего начала до Петра Великого, занимает у него каких-нибудь двенадцать томов. И потому русская история только и доходит до Петра: наши историки чувствуют, что одна история Петра, по важности своего содержания, в десять раз объемистее всей предшествующей истории России. Здание, построенное без соразмерности, без уважения к законам тяготения и ответственности, или падает, или остается недоконченным: давно уже здание нашей истории остановилось на третьем этаже – и рухнуло, так что теперь для расчистки мусора нужно больше трудов, чем для сооружения нового здания. И мы думаем, что истинный историк начертал бы себе такой план русской истории: зная, что факты сами по себе ничего не значат и что задача историка состоит именно в том, чтобы прозреть в фактах идею и сделать ее ощутительною для других в живой исторической картине событий, – он разделит историю России на периоды не для одного внешнего удобства в изложении, но потому, что увидит в каждом периоде особенную идею, которую и постарается выразить, не увлекаясь мелочными фактами и не загромождая ими своего повествования. Первый период (до Владимира, или начала удельной системы и водворения христианства) войдет у него в введение, где он покажет только те немногие факты, которые более или менее несомненны и вероятны, и те результаты ученых исследований, которые более или менее удовлетворительно объясняют эти факты касательно происхождения, мифологии, поэтических и исторических преданий народа. Тут, разумеется, не будет места кастым гипотезам, этимологической дыбе, и все введение очень легко уместится на каких-нибудь ста страницах. Весь смысл удельного периода состоит в распространении русско-славянского племени по обширной степи нынешней России. Это

История Малороссии. Николая Маркевича. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru распространение совершилось на Руси совершенно превратным образом в сравнении с тем, как оно происходило в Западной Европе: там оно сперва сделалось через завоевание, потом чрез усиление среднего сословия, имевшее следствием размножение городов и успехи цивилизации. У нас удельный князь срубал себе городок, где и учреждался его стол, отчего городок и делался столицей. Помещичье право было душою удельного периода, и князья тогда были – род помещиков, произошедших из одного дома; бояре их – род домашних людей, а простой народ – крестьяне. Централизации не было никакой, и Киев, а потом Владимир были больше по имени, чем в сущности, великокняжескими столицами: титул великого князя более льстило честолюбию претендентов, чем доставляло им действительную власть и силу. И это понятно: Русь в период уделов расширялась, а не централизовалась. И потому историк должен сделать из удельного периода живую картину этого расширения, ярко и выпукло обозначив главнейшие его фазисы. Если при этом картина его будет оттенена колоритом нравов эпохи и очерками характеров немногих действующих лиц, почему-либо замечательных, – история удельного периода будет не только полна, но и проста, не запутанна, не многосложна: ибо всякая запутанность в истории происходит от неумения историка отличить важное и существенное эпохи от ее мелочных и пустых подробностей. В таком случае история удельного периода объемом своим разве немногими страницами превзойдет введение, так что и история татарского периода, будучи значительно обширнее истории периода удельного, весьма легко уместится с нею и введением в одном томе, и том все-таки не будет особенно велик. Татарский период был началом централизации древней Руси. Общее бедствие мало-помалу воспитало в русских чувство единокровности и единоверия; удельные княжества ослабевают по мере возвышения Москвы, счастливо выдерживающей свои споры и с Рязанью и с Тверью. Великий князь постепенно становится из помещика государем, и самодержавие сменяет патриархально-помещичье право. Но под татарским игом нравы грубеют: вводится затворничество женщин, отшельничество семейной жизни; тирания варварского ига монголов приучает земледельца к лености и заставляет делать все как-нибудь, ибо он не знает, будут ли завтра принадлежать ему его хижина, его поле, его хлеб, его жена, его дочь. Застой и неподвижность, сделавшиеся с этого времени основным элементом исторической жизни старой Руси, тоже были следствием татарского ига. Итак, централизация и возвышение княжеской власти на степень государственности, с одной стороны; искажение нравов русско-славянского племени, с другой, – вот идея периода татарского ига и задача историка Руси! На этом кончится первый том его истории России. Падение уделов, укрепление самодержавия, государственные формы, нравы, обычаи, сделавшиеся *statu quo*: [2] вот содержание русской истории от Иоанна III до периода междоцарствия. Событий политических тут немного, и события внутреннего развития гораздо важнее их. Живая и подробная картина всего этого легко уместилась бы в раме одного тома. Царствование Грозного было периодом окончательного сформирования физиономии и духа старой Руси, а вместе с тем и началом отрицания того и другого. В лице Грозного выразилась идея этого отрицания, и неосновательно было бы думать, что дурное воспитание и смерть Анастасии сделали Грозного бичом Руси. По натуре своей Иоанн Грозный был великий человек, и для него возможны были только две роли – или Петра Великого, или Иоанна Грозного: для первой были непреодолимые преграды, заключавшиеся сколько в отчуждении Руси от Европы, столько и в хаотическом состоянии самой Европы, – и внук Иоанна III сделался не преобразователем России, а грозною карою восточной формы ее государственного быта. Период междоцарствия был доказательством той истины, что если страна, в которой есть зерно жизни, не идет вперед, то она должна идти назад, а вмешательство поляков и шведов было фактом, что отчужденное от Европы существование Руси уже кончилось и что ей должно было или погибнуть, или войти в состав политического тела Европы, – тогда как доселе она даже при царях своих имела только некоторое значение для Европы, трепетавшей оттоманского могущества. Благодатное солнце дома Романовых озарило Русь тишиною и спокойствием. При кротком Михаиле Русь отдыхала и целилась от глубоких язв междоцарствия и междоусобия, и потому ей было не до движения. Но при царе Алексии Михайловиче пробудился дух реформы, как выражение внутренней, еще бессознательной потребности России. Сделано было много нововведений и преобразований; иностранцы все более и более внедрялись в почву русской жизни. Царь Федор сожигает книги местничества: это была перчатка, брошенная старой Руси [9]. Петр возрос и воспитался в атмосфере преобразований, которые были, впрочем, довольно бесплодны, потому что требовали не полумер, но радикального переворота, – а для того, чтоб произвести его, требовалось гения. Таким гением был Петр, – и он совершил переворот, для которого настало время и созрели элементы: Московское царство окончило свое историческое существование – возникла Россия и империя...

История Малороссии. Николая Маркевича. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
Из этого видно, что с эпохой междоцарствия и самозванцев начался новый период Руси, смысл которого – обнаружение недостаточности того политического организма Московского царства, который выработался под влиянием Азии, и, следовательно, приготовление к явлению Петра Великого. Этот период свободно уместился бы в одном томе. Итак, вся история России, от начала ее до Петра Великого, могла бы изложиться в трех томах, и притом весьма полно и подробно, если полнота и подробность в том, чтоб не упустить ни одного важного события, ни одной характеристической черты, не гоняясь за мелочами, которые только обременяют собою книгу и делают ее скучною и тяжелою для памяти читателя. Если какое-нибудь большое сражение ознаменовано подробностями, объясняющими успех или неуспех битв, произведших важные последствия или характеризующих век и страну, – передайте их, но увольте читателя от стратегических подробностей, понятных и интересных только военным людям, изложив им только существенное и главное. Иначе из всякого царствования – даже из жизни царя Феодора Иоанновича, посвятившего себя исключительно жизни мольщика и не вмешавшегося в дела правления, можно составить книгу в двенадцать больших томов.

Мы твердо убеждены, что история России, написанная по изложенной нами идее историком с талантом и с современно-философским образованием, представила бы историю не сбор хронологически изложенных фактов, а духовную физиономию народа, его жизнь, его биографию как идеального лица. В частях такой истории была бы пропорциональность, а объем соответствовал бы содержанию. Прошедшее являлось бы в ней причиною и объяснением настоящего, а настоящее – результатом прошедшего. В историю должно входить только необходимое, существенное, только то, что оставляет по себе вечные, неизгладимые следы, а это – идея. Мы сказали выше, что идея удельного периода – расширение русско-славянского племени на материке нынешней России; и разве теперь не видим мы плодов, рожденных движением удельного периода и разве теперешняя безграничность России не от него берет свое начало? Мы сказали, что политический быт и нравственный колорит удельного периода заключается в патриархально-помещичьем праве; разве и в теперешнем провинциальном быте России нет указаний на этот факт исторической старины? Мы сказали, что период татарщины был периодом централизации древней Руси и вместе с тем искажения ее нравов; и что ж? – разве крепость и могущество теперешней России не суть результат этой централизации, и разве в нравах и домашнем быту уже изгладились совершенно следы владычества азиатских варваров? Чтоб убедиться в этой истине, стоит только сравнить нравы нашего простонародья с нравами простого народа в Малороссии, мало потерпевшей или почти ничего не потерпевшей от ига татарского: в быту малороссиян гораздо больше поэзии и человечности, чем в быту великорусского простонародья. Еще легче открыть в современной России результаты следовавших затем периодов. Каждый из них как бы живыми нервами связывается с последующими, и все они составляют один живой организм, выражением которого и должна быть история России, подобно реке, начавшейся подземными ручьями, мелкой и ничтожной в истоке, но, по мере течения, становящейся все шире и шире, глубже и глубже... Всякая история должна отличаться перспективою, так что, если смотреть от конца к началу, все видно уже и темнее, по мере отдаления. Вот об этой-то исторической перспективе говорил покойный профессор Каченовский, которого здравым и основательным идеям и умному скептицизму в деле русской истории доселе еще не отдано должной справедливости^{10}. И вот об этой-то перспективе, по крайней мере до сих пор, мало думали наши историки: оттого у них блистательный двор Ярослава, как две капли воды, похож на блистательный двор Лудовика XIV, а времена полубаснословных Олегов, Игорей и Святославов они описывают с такою же полнотою, подробностью и достоверностью, как будто бы они, добрые историки, сами недавно были современниками и очевидцами всех этих исторических теней...

Мы сказали выше, что одно из главнейших условий хорошей истории – соответствие объема с содержанием. История государств, действующих на всемирно-исторической арене и олицетворивших в себе судьбы человечества, таких государств, как, например, Франция, Италия, Германия и Англия, – и история какой-нибудь Турции, только внешним образом, временным тяготением внешней силы соприкасающейся с историею человечества, – требуют совершенно различных размеров. И потому первая задача историка, приступающего к изложению истории народа, состоит в определении исторической важности этого народа: от степени его исторической важности должен зависеть объем его истории, равно как колорит и тон повествования.

Все сказанное нами только отрицательно может быть приложено к «Истории Малороссии» г. Маркевича. Прежде всего в авторе не заметно особенного

История Малороссии. Николая Маркевича. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru исторического таланта: его изложение вообще сухо и утомительно; он одушевляется только при рассказе о жестокостях поляков над малороссами, но и это местами вспыхивающее одушевление нисколько не отличается историческим характером, хотя и делает честь сердцу автора. Потом, из «Истории» г. Маркевича не только нельзя узнать, каких идей держится он об истории вообще – старых или современных, но даже и считает ли он нужным держаться каких-нибудь идей по этому предмету. Кажется, для него написать историю – значит привести в порядок исторические материалы, пересказав их по-своему. Нельзя не согласиться, что это самый легкий способ писать историю, тем более легкий, что он совершенно увольняет всякого, кому только вздумается приняться за подобный труд, от необходимости иметь талант и современно-философское понятие об истории. Тут главное дело состоит в разделении рассказа на главы и в означении каждой главы именем князя, если это история княжества, и именем гетьмана, если это история Малороссии, и даже именами двух и трех гетманов, в одно и то же время владевших булавою. Но ведь дело в деле, а не в лицах. Об лицах нельзя не упоминать, но героем истории должно являться или само событие, увлекающее за собою лица, или такое лицо, которое управляло событием, или в котором выражалось событие. Так, в удельном периоде русской истории обозначают главы и отделения именами великих князей киевских, хотя эти князья и далеки от того, чтоб быть центром всех событий этого периода.

Малороссия никогда не была государством, следственно, и истории, в строгом значении этого слова, не имела. История Малороссии есть не более, как эпизод из царствования царя Алексея Михайловича: доведя повествование до столкновения интересов России с интересами Малороссии, историк русский должен, прервав на время нить своего рассказа, изложить эпизодически судьбы Малороссии, с тем чтобы потом снова обратиться к своему повествованию. История Малороссии – это побочная река, впадающая в большую реку русской истории. Малороссияне всегда были племенем и никогда не были народом, а тем менее – государством. Они умели храбро биться и великодушно умирать за свою родину, им не в диковинку было побеждать сильного врага с малыми средствами, но они никогда не умели пользоваться плодами своих побед. Разобьют врагов в пух, окажут чудеса храбрости и геройства и – разойдутся по домам пить горилку. Несмотря на вероломство, предательскую жестокость и клятвопреступничество буйного сейма польского, столько раз казнившего малороссийских депутатов, никогда не бывало недостатка в новых депутатах, с непонятным простоумием стремившихся в раскрытую пасть католического чудовища. Сколько раз малороссияне брали верх над поляками в кровопролитных войнах с ними, и между тем это нисколько не подвигало вперед их дела. Отчего же это? Оттого, что и так называемая Гетьманщина и Запорожье нисколько не были ни республикою, ни государством, а были какою-то странною общиною на азиатский манер. Настоящими и достойными их противниками были крымские татары, и малороссияне воевали с ними отлично, в духе своей национальности. Вторгнется в Малороссию толпа крымских хищников, выжмет несколько городов и много сел, перережет порядочное число людей и больше того погонит в плен вместе с бесчисленным множеством малороссийского скота, – удалое казачество, при вести о набеге, вдруг бросится вслед за хищниками, нагонит их, перережет, отобьет добычу и идет само в гости в Крым, где и оставит такие же следы своего посещения. Если же татары успеют благополучно вернуться восвояси, то казаки не замедлят поквитаться с ними визитом. Потом заключат мир или перемирие, которые та и другая сторона считает себя вправе нарушить по первой прихоти. Крымские татары и доблестное казачество понимали политику одинаковым образом. Татары по своему положению могли существовать только грабежом: это был род огромной разбойничьей шайки, имевшей подобие и вид государства. Казачество, с своей стороны, тоже могло держаться одними набегами. Этому было много причин: укажем на главнейшие из них. Казачество возникло из географических причин. Когда нашествие татар разъединило северную Русь с южною, – южная Русь сделалась какою-то нейтральною землею и общим владением каждого, кому только вздумалось пройти через нее или войти в нее. С севера она отделялась степью от покоренной татарами Руси, с востока и юга была окружена татарами, с юго-запада прилегала к Молдавии, а с северо-запада – к Польше и Литве. Теснимая и раздираемая со всех сторон, Малороссия никак не могла образоваться в органически политическое общество и поневоле образовалась в общину людей, которые считали себя рожденными для того, чтоб резать других и быть зарезанными самим. Война сделалась стихиею этой общины; – но война не в европейском смысле, а в смысле удалства и молодечества. Казак знал в жизни только два рода наслаждения: резню и горилку; ко всему остальному он почитал для себя за честь быть совершенно равнодушным. Товарищество всегда и везде, в битве и в гульбе, было верованием казака, и он с страстию и рыцарским великодушием каждую минуту жизни своей готов был сделаться

История Малороссии. Николая Маркевича. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru мучеником своего верования. Пить и гулять нельзя было долго лихому казаку, тем более что он скоро пропивал все, что приобретал на войне, и пропивал с каким-то мужицким аристократизмом, сыпля деньги без счета, поя знакомого и незнакомого и оказывая к золоту безрассудно-великодушное презрение. Когда же ему нельзя было больше пить, то надо было драться: иначе он не понимал, зачем же ему было бы и жить на белом свете. Кроме этих причин, то есть безденежья и скуки, были и другие причины для войны: начинающим свое казацкое поприще хлопцам нужна была военная наука, то есть битва. С кем же воевать? С турками мир, с татарами мир. Ничего: басурманов никогда не грех бить, и не грех нарушение мирных договоров и клятв с ними. И вот пылают берега Анатолии, дымятся села крымских татар; поход кончен, половина товарищей перетонула, перерезана, зато другая добралась до Сечи с богатою добычею, и пьет, и гуляет себе на славу, угощая весь честной мир, широко разметываясь казацкою душою.. Вот вам и политика. Она немногосложна и нехитра. Нравы Гетьманщины были стройней и кротче, но все же и для нее Запорожская Сечь была и идеалом и прототипом истинного лыцарства. Гетьман Рожинский дал некоторый род правильного устройства этой военной общине, и это устройство, как окаменелое, нисколько не изменилось до времен Богдана Хмельницкого, который несколько улучшил его. Из этого можно видеть, как слабо было внутреннее развитие Малороссии и как мало материалов может оно дать для истории. Это была пародия на республику, или – другими словами – славянская республика, которая, при всем своем беспорядке, имела призрака какого-то порядка. Порядок этот заключался не в правах, свободно развившихся из исторического движения, но в обычае – краеугольном камне всех азиатских народов. Этот обычай заменял закон и царил над беспорядком этой храброй, могучей широким размахом души, но бестолковой и невежественной мужицкой демократии. Такая республика могла быть превосходным орудием для какого-нибудь сильного государства, но сама по себе была весьма карикатурным государством, которое умело только драться и пить горилку. Умный Баторий умел ею пользоваться, к ее и к своей собственной пользе. Рожденная смутными обстоятельствами, возникшая из хаоса, эта странная республика должна была и исчезнуть с прекращением хаоса. По мере того как турки ослабевали, татары приходили в ничтожество, а Россия укреплялась – казачество становилось ненужным, и сила его погасала сама собою. Это глубоко понял величайший из мужей Малороссии – Богдан Хмельницкий. Если он помогал, без пользы для себя и родины, развращенному и безумному злодею Лупуле молдавскому, увлекаясь чувством родства, это происходило не от недостатка в гении, а от варварства того века, придававшего такое мистическое значение узам крови. За это Хмельницкий поплатился жизнью достойного своего сына Тимофея{11}. Если Богдан поддался слабости отцовского сердца и согласился на передачу гетьманской булавы ничтожному и слабоумному сыну своему Юрию – в этом надо винить не великого человека, а век его, тем более что на эту удочку поддавались и великие люди позднейших времен. Сам Наполеон пал оттого, что интересы своей династии променял на интересы Франции... Богдан Хмельницкий был герой и великий человек в полном смысле этого слова. Много в истории Малороссии характеров сильных и могучих; но один только Богдан Хмельницкий был вместе с тем и государственный ум. Образованием он стоял неизмеримо выше своего храброго, гулливого и простодушного народа; он был великий воин и великий политик. Потому-то и понял он, что Малороссия не могла существовать независимым и самостоятельным государством. Это сознание дорого стоило сердцу благородного сына Малороссии, и с скорбью сошел он в могилу. Невозможность независимого политического существования для Малороссии он приписывал географическому положению этой страны, со всех сторон лишенной естественных границ; но тут была и еще причина, может быть, не понятая им: она состояла в патриархально-простодушном и неспособном к нравственному движению и развитию характере малороссов. Этот народ отлился и закалился в такую неподвижно-чугунную форму, что никак бы не подпустил к себе цивилизации ближе пушечного выстрела, и то для того, чтоб приударить на нее с копьём и нагайкою. Малороссы любили свое мужичество, как свою национальную стихию, как поэзию своей жизни, хотя сами и назывались «дворянами», даже сидя в шинках или валяясь в грязи. И эта черта их народности была причиной фанатической ненависти к ним поляков, кроме католического фанатизма. Поляки называли их мужиками и холопами. Правда, эти мужики и холопы поступали с большею честностью, благородством, рыцарственностью и великодушием, чем благородные магнаты польские, хваставшие перед малороссами своим «гонором» и своею «эдукацією»; однако все же если нельзя оправдать этой ненависти цивилизованного и имевшего аристократию народа к простодушному и невежественному, хотя и доблестному племени, то нельзя и не видеть в ней смысла и причины.

Вот взгляд, с каким, по нашему мнению, должен писатель приступить к истории Малороссии. Тогда он поймет, что история Малороссии есть, конечно, история, но

История Малороссии. Николая Маркевича. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru не такая, какую может быть история Франции или Англии; тогда он удержится в своем повествовании и от тона адвоката и от тона панегириста, а постарается живо и просто, в кратких и характеристических чертах, представить картину быта племени, игравшего в истории временную и случайную, но исполненную дикой поэзии роль. В истории Малороссии самое интересное – это нравственная физиономия племени, обладавшего такою упругою, неукротимую силою характера, находившего поэзию и упоение жизни в оргии битвы и молодецкого разгула, как выражение широкого размета души...{12} История Малороссии исполнена дикой поэзии, как ее поэтические народные думы. Это–то и упустил из виду новый историк Малороссии, увлекшись своею миссиею историка и как бы вообразивший, что он пишет историю народа и государства, которые могли бы, при других, более благоприятных обстоятельствах, развиться во что–то великое и вечное...

Всему свое место и свое значение; ничего не должно ни унижать, ни возвышать по пристрастию. Вот почему если необдуманный патриотизм кажется иногда жалок, то, с другой стороны, умышленная клевета, особенно печатная, кажется отвратительною. Доказывать, что малороссы были холопы поляков, а не свободное племя, на правах равного с равным, составившее с Польшею и Литвою род соединенных штатов, – доказывать это, вопреки неопровержимым историческим свидетельствам, значит лжесвидетельствовать; а оправдывать безумное зверство магнатов, будто бы имевших право усмирять своих холопей, значит оправдывать тех жидов, которые печатали храмы малороссиян...{13} Зablуждение первого рода заслуживает сожаления, заблуждение второго рода – презрения честных людей, которые умеют благоговеть перед святостию истины...

Народ или племя, по непреложному закону исторической судьбы теряющие свою самостоятельность, всегда представляют зрелище грустное. Но разве не жалки и не заслуживали сострадания на Руси и эти добрые матери, которые назад тому лет 50, с плачем и воплем провожали детей своих в школы, как будто бы дети их шли на место казни? Или, еще лучше, разве не жалки эти жертвы неумолимой реформы Петра Великого, которые, в своем невежестве, не могли понять цели и смысла этой реформы? Им легче было расстаться с головой, чем с бородой, и, по их кровному, глубокому убеждению, Петр разлучал их навеки с радостью жизни... В чем же состояла эта радость жизни? – в лени, невежестве и грубых, но освященных веками обычаях... В жизни Малороссии было много поэзии, – правда; но где жизнь, там и поэзия; с переменой существования народного не исчезает поэзия, а только получает новое содержание. Слившись навеки с единокровною ей Россиею, Малороссия отворила к себе дверь цивилизации, просвещению, искусству, науке, от которых дотоле непреодолимою оградю разлучал ее полудикий быт ее. Вместе с Россиею ей предстоит теперь великая будущность... В истории ничего не бывает случайного, и трагические коллизии ее исполнены такого же глубокого смысла, как и потрясающей душу поэзии: в них открываются неотразимые определения миродержавного промысла, победоносный ход света разума, вечно борющегося с тьмою невежества и вечно торжествующего над нею...

Как всякий благонамеренный труд, «История Малороссии» г. Маркевича заслуживает внимания и уважения, тем более что в ее исполнении заметно много добросовестности и усердия, а две большие части материалов – особенной благодарности; но как история, в современном значении этого слова, сочинение г. Маркевича не выходит из ряда посредственных опытов такого рода. Она лишена достоинства живой, хорошо освещенной и с искусством группированной картины, и потому в ней нет целого, и внимание читателя, теряясь в лабиринте неловко расположенных подробностей, тяжело утомляется. По идеям и взгляду на вещи сочинение г. Маркевича еще менее удовлетворительно, чем по искусству изложения. Все, что можно похвалить в новой истории Малороссии, – это искусство, с каким высказаны в остальной половине многие щекотливые подробности. Язык г. Маркевича не отличается правильностию, а того, что называется слогом, у него вовсе нет{14}.

Примечания

Список сокращений

В тексте примечаний приняты следующие сокращения:

Анненков – П. В. Анненков. Литературные воспоминания. <М.>, Гослитиздат, 1960.

Барсуков – Н. П. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. I–XXII. СПб.,

История Малороссии. Николая Маркевича. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru 1888–1910.

Белинский, АН СССР – В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. I–XIII. М., Изд-во АН СССР, 1958–1959.

ГБЛ – Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина.

Герцен – А. И. Герцен. Собр. соч. в 30-ти томах, М., Изд-во АН СССР, 1954–1966.

Гоголь – Н. В. Гоголь. Полн. собр. соч., т. I–XIV. <М>, Изд-во АН СССР, 1937–1952.

ГПБ – Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Добролюбов – Н. А. Добролюбов. Собр. соч., т. 1–9. М. – Л., Гослитиздат, 1961–1964.

ИРЛИ – Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР.

КССБ – В. Г. Белинский. Сочинения, ч. I–XII. М., Изд-во К. Солдатенкова и Н. Щепкина, 1859–1862 (составление и редактирование издания осуществлено Н. Х. Кетчером).

КССБ, Список I, II... – Приложенный к каждой из первых десяти частей список рецензий Белинского, не вошедших в данное издание «по незначительности своей».

ЛН – «Литературное наследство». М., Изд-во АН СССР.

Переписка – «Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым», т. I–III. СПб., 1896.

ПССБ – Полн. собр. соч. В. Г. Белинского под редакцией С. А. Венгерова (т. I–XI) и В. С. Спиридонова (т. XII–XIII), 1900–1948.

Чернышевский – Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч. в 16-ти томах, т. I–XVI. М., Гослитиздат, 1939–1953.

Шенрок – В. И. Шенрок. Материалы для биографии Гоголя, т. I–IV. М., 1892–1897.

История Малороссии. Николая Маркевича

Впервые – «Отечественные записки», 1843, т. XXVIII, № 5, отд. V «Критика», с. 1–18 (ц. р. 30 апреля; вып. в свет 6 мая). Без подписи. Авторство – ПССБ, т. XII, с. 544–540, примеч. 45).

В журнальный текст вводится следующее изменение.

С. 236, строка 7 сн. Вместо «быту еще изгладились» – исправлено: «быту уже изгладились».

Выход в свет исторического труда Н. А. Марковича послужил причиной довольно бурной полемики. «История Малороссии» не была самостоятельным сочинением в полном смысле слова. В ее основу была положена «История руссов, или Малой России» Г. А. Полетики (долгое время автором считался архиепископ белорусский Георгий Конисский. «История...» была известна Маркевичу по одному из списков, еще до ее публикации в 1846 г.). Спор вызвала не столько сама «История Малороссии», сколько оценка, данная книге Сенковским. С позиций польского национализма он отрицал какое-либо самостоятельное значение Малороссии, пренебрежительно называя ее «одной провинцией» («Библиотека для чтения», 1843, т. LVI, отд. V, с. 1). «История...» – писал Сенковский – это «четыре тома безвкусных возгласов, легкомысленных суждений, детских сказок и грубых выдумок» (там же, с. 30–31).

Против статьи Сенковского выступили Плетнев («Современник», 1843, т. XXX; см. также Переписку, т. II, с. 98, 335, 338) и – особенно горячо – «Москвитянин», в котором была помещена заметка Погодина «Два слова «Библиотеке для чтения» о происхождении Малороссии» (1843, № 3).

Белинский оставил в стороне эту полемику, в которой с обеих сторон были сильны

История Малороссии. Николая Маркевича. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru сугубо националистические мотивы. Так, например, Плетнев писал: «Нельзя же русскому молчать, когда всякий полячишка вздумает так дерзко лаять на него» (Переписка, т. II, с. 93). Отзыв Белинского о книге Маркевича решал иные задачи.

Статья – один из многочисленных в критической деятельности Белинского примеров того, как мастерски пользовался критик каждым поводом, чтобы выявить и объяснить русскому читателю новые тенденции общественной мысли. На этот раз центром внимания Белинского становится историческая наука и произошедшие в ней качественные изменения. В сближении истории с искусством Белинский видит знаменательное явление времени, в результате которого история «получает то же значение, какое у древних имел эпос», а в литературе возникает «нового рода поэзия» – исторический роман.

Изложенный в статье взгляд Белинского на историю как на «современную науку» развит им также в разборах таких трудов, как «Руководство к познанию новой истории для средних учебных заведений, сочиненное С. Смарагдовым» и наиболее детально в ряде рецензий на тома «Руководства к всеобщей истории» Ф. Лоренца.

Сноски

1

Здесь кстати заметить, что у нас до тех пор не будет удовлетворительной истории России, пока наши историки не примутся за составление частных историй по предметам, которые каждый из них изучал исключительно, как-то: истории церкви, истории военного ремесла, нравов, торговли, промышленности, права, политики, финансовой системы и пр. Все эти предметы требуют отдельной и частной разработки, фактической, критической и философской, требуют и трактатов и полных историй. Кроме того, полезна разработка каждого важного события особо, как, например, владычества татар, междуцарствия, отдельных царствований и проч. Но наши «славянофилы» и «патриоты» ограничиваются вместо этого пересыпанием из пустого в порожнее, рассматривая такие вопросы, как происхождение Руси, и решая их произвольными гипотезами^{15}. Другие, посмелее, пишут историю России, для которой не разработаны фактические материалы; удивительно ли, что вместо истории они издадут компиляции, да и те недоконченные?..^{16}

2

его состоянием (лат.). – Ред.

Комментарии

1

В 1843 г. вышел пятый том.

2

«Мнимые патриоты» – славянофилы.

3

Против языковой реформы Карамзина выступали Шишков и члены «Беседы любителей русского слова».

4

Белинский излагает основные положения вступления В. П. Боткина к его статье «Германская литература» («Отечественные записки», 1843, № 1, отд. VII, с. 1–15). Боткин же, в свою очередь, передает содержание начальных страниц статьи Ф. Энгельса «Шеллинг и откровение» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 41, с. 173–226). Об истории перевода Боткиным брошюры Энгельса см.: К. Григорьян и Н. Мордовченко. Из неизданной переписки Белинского (ЛН, т. 56, с. 78–80). 6 февраля

История Малороссии. Николая Маркевича. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
1843 г. Белинский писал Боткину: «Твоя статья о немецкой литературе в 1 № мне
чрезвычайно понравилась – умно, дельно и ловко».

5

Эти слова принадлежат Даламберу и сказаны им о трагедии Расина «Федра».
Приводятся Ж.-Ф. Лагарпом в его «Лицее» (русский пер. 1810–1814, под названием
«Лицей»).

6

Вальтер Скотт написал несколько исторических и историко-литературных трудов.
Белинский, вероятно, имеет в виду «Историю Шотландии» (русский пер. 1831).

7

В этом высказывании Белинского слышится отголосок философии Гегеля, считавшего,
что разум внутренне присущ историческому процессу.

8

Белинский сравнивает «Взгляд на историю Костромы» А. Д. Козловского (М., 1840) и
«Историю Петра Великого» Н. А. Полевого (т. I–IV. СПб., 1842).

9

Местничество – порядок замещения государственных должностей боярами в
зависимости от знатности рода и степени важности должностей, занимавшихся
предками. Местничество существовало в Московском государстве с XV по XVII в. В
1682 г. при царе Федоре Алексеевиче книги, в которых записывались местнические
дела, были сожжены и приказано было «отныне всем быть без мест».

10

Об отношении Белинского к Каченовскому см.: М. Я. Поляков. Студенческие годы
Белинского (ЛН, т. 56, с. 334–335).

11

Сын Хмельницкого был засечен плетью по приказу шляхтича Чаплинского.

12

Не совсем точная цитата из «Тараса Бульбы» Гоголя.

13

Сведения о сдаче в XVII в. польской шляхтой церковных зданий на Украине в
хозяйственную аренду евреям могли быть почерпнуты Белинским как из рецензируемой
книги Маркевича, так и из «Тараса Бульбы» Гоголя, где есть упоминания об этом.

14

В «Истории Малороссии» материал располагался следующим образом: первые два тома
– собственно история, авторский текст; третий и четвертый тома, о которых
говорит здесь Белинский, заключают в себе исторические документы, часть которых
была опубликована Марковичем впервые; пятый том – справочно-библиографические
материалы.

15

Речь идет о начавшейся в 1840 г. полемике М. П. Погодина с Н. И. Надеждиным, М. А. Максимовичем и Ф. Л. Морозкиным по вопросу о происхождении Руси (см.: Барсуков, кн. VI, с. 93–110).

16

Белинский говорит о неоконченном труде Н. А. Полевого «История русского народа», ч. I–VI. М., 1829–1833.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://belinskiyvissarion.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!